

СПАСТИ СОЛДАТА.

1 глава

В детстве Виктор Золоторёв был драчливым мальчишкой, любил «биться» один на один до первой крови, а в юности стал отъявленным хулиганом, про таких обычно люди говорят «по ним тюрьма плачет». Мудрая и добрая классная учительница Александра Марковна, укоризненно качая головой, после очередной хулиганской выходки своего драчливого любимца обычно спускала пар и говорила жалующимся мамашам:

- Боевой характер у Золоторёва, весь в деда и отца. Урезониться, в армию пойдёт, там его научат дисциплине, ещё гордиться будем им...

Пришло время, побрили буйную его голову и направили Витьку служить в десантуру, в самое пекло «афганской» войны. Обычно, такие энергичные «сорвиголовы» становятся в зрелости лидерами и на войне бесстрашно идут в бой, закрывают телом амбразуры дотов, направляют свои самолёты в колонны вражеских танков, никогда не сдаются в плен и с возгласом: «Это вам за пацанов!» подрывают себя и врагов гранатой, как лётчик Роман Федотов в Сирии. Именно о геройском подвиге русского офицера, возраста Иисуса Христа, прочитав накануне очерк в газете, думал подполковник запаса Виктор Золоторёв, шагая по бетонному полу тюремной камеры. Но здесь в следственном изоляторе, где нет места подвигу, где рушатся все мечты, правит бал бесправие и жестокость вдруг появляются свои парни, те, кто были на войне. Такие не продадут, не обманут, для них боевое братство превыше всего. Вчера на прогулке ему в полголоса сообщил поседевший прапорщик:

- «Афганцы» не оставят вас в беде. Вышли с прошением на губернатора и президента. Крепись командир, не унывай и жди...

- Спасибо братишка, - тихо ответил он прапорщику, - теперь мне только остаётся надеяться на помощь своих ребят и ждать.

Помощь своих ребят он на себе испытал первый раз в далеком Афгане, когда их взвод десантуры занял горную вершину и они на третий день остались без глотка воды. Высоту надо было держать, пока выдвигалась «броня», перекрывая

духовский прорыв за кордон, в Пакистан. На вершине горы не было площадки для вертолетной посадки, только небольшое, ровное плато на краю глубокой пропасти. Днем с «восьмерки», под мощным огневым прикрытием «двадцатьчетверок» в режиме «висения» с высоты 15-20 метров бортовой техник скинул из грузовой кабины прямо на плато боеприпасы, пищу и воду. Сорокалитровые резиновые баллоны лопнули от удара об каменистый грунт, и вода тонкими ручейками потекла вниз в пропасть. Его огневая позиция была за скалой, рядом с плато и он, не утерпев, ловко и быстро подполз к ручейку и успел жадно лизнуть шершавым от жажды языком влажную поверхность мелких камней, когда по нему ударил снайперский выстрел. Покорежив ствол автомата, пуля срикошетила и застряла в бронежилете в грудной полости.

В вечерних сумерках под прикрытием группу боевых вертолетов появилась та самая «восьмерка» и те же летчики, идя на смертельный риск, по прямой, со стороны пропасти, погасив скорость, спланировали на узкий пятачок горного плато, ловко посадив вертолет на одно переднее колесо. Задние колеса вертолета, хвостовая балка и хвостовой винт повисли в воздухе, над пропастью.

Громко и гулко в сумрачной мгле на максимальном режиме были двигатели вертушки, зловеще разрезая воздух впритык к горным пикам, посвистывая в воздухе, монотонно пели свою песню лопасти несущего винта, кружило вокруг горной вершины звено вертолетов огневой поддержки. Сам командир взвода десантников старший лейтенант Трошин, приняв два драгоценных баллона с водой из рук бортового техника, весело и громко крикнул ему:

- Без воды кишка по кишке бьет по голове,- и благодарно кивнув командиру вертолета, шуточно отдал ему честь.

Посадить вертолет оказалось летчикам проще, чем взлететь. Прямо, вправо, влево горные пики, позади пропасть и нет расстояния для разгона скорости и набора высоты. Командир принял единственное и правильное решение. Как курица, копошась в гнезде на сене, удобно устраиваясь, перебирает лапками, чтобы снести яйцо, так и слегка подпрыгивая на переднем колесе, подергиваясь и двигаясь на камнях, качая хвостовой балкой, вертолет развернулся на пяточке

носом в пропасть. Взревели двигатели на взлетном режиме, вертолет слегка приподнялся на переднем колесе и со скольжением и креном провалился вниз.

Тогда лежа на краю пропасти, спрятавшись в боковой расщелине, приходя в себя после выстрела снайпера, он с ужасом и страхом наблюдал, как «восьмерка» камнем падала в пропасть. Выдержки и умению летчиков можно было только позавидовать. Практически вертикально упав на сотни метров, вертолет резко затормозил снижение, плавно набрал поступательную скорость и благополучно скрылся на малой высоте за излученной реки. Знать бы сейчас кто управлял вертолетом, кто доставил десантникам боеприпасы и воду, кто спас их в том бою на горной вершине? Низкий поклон им.

Взводный, бережно разливая воду десантникам во фляжки, сказал кратко и обыденно, его слова запомнились Виктору на всю жизнь:

-Мы русские на войне своих не сдаем.

Уже в камере, после прогулки, подальше от чужих глаз он яростно рычал от безысходности и бессилия, сорвал злость, пробоксировал жёсткую подушку серией тумаков, обессилено упал на пружинистую, ржавую койку, закрыл глаза, неожиданно вспомнив две чудесные строчки песни, в исполнении Анны Герман: «Надежда – мой компас земной, удача награда за смелость...». С прекрасным образом длинноволосой красавицы певицы он наконец-то крепко уснул, впервые за двое суток, после неожиданного ареста, почти через пятнадцать лет после Чеченской войны.

2 глава

Электронные письма и телеграммы ветеранов локальных войн из Москвы, Нижневартовска, Югорска, Советского и Сургута аккуратной стопкой лежат на рабочем столе губернатора. Где-то надежда, но больше отчаянье и злости читается между строк, а вот и проклятье всем бывшим правителям страны, ввергнувших великую Советскую державу в пучину разрухи и хаоса, пославших своих сыновей на Афганскую и Чеченскую войну, в Таджикистан и Анголу, продавших страну и предавших своих солдат не только на поле брани, но и после

войны. Слезинки материнской жалости катятся по щекам из глаз губернатора - женщины и она не в силах спрятать в глубине души отголоски памяти, уносящую ее в далекую юность. А за окном её уютного кабинета рисует свои причудливые узоры морозный декабрь. Пустынно на вечерних улицах города. Спрятались от холода сотни разноперстных голубей, только вчера важно вышагивающих гурьбой по ступенькам крыльца Гостиного двора, довольно воркуя и торопливо клюя хлебные крошки, зерно и жареные семечки на радость шумной детворы, с визгом и гомоном катающихся с ледяной горки, окруженной сказочными домиками и ледяными скульптурами. Мрачновато и одиноко этим зимним днем на площади дома правительства. Не катается детвора, не снует между домиками и скульптурами с салазками в руках и лишь новогодняя ёлка в центре площади, как семнадцатилетняя красавица, игриво и кокетливо сверкает в промозглой мгле разноцветными гирляндами.

Ещё ночью за окнами её кабинета, повизгивая и подвывая, упрямо вела снежный хоровод метельная поземка, и пушистые хлопья снежинок гурьбой падали на голые ветви берёзок в городском парке, грудились на площади вокруг новогодней ёлки, замечая человеческие следы, как когда-то в ее молодости много лет назад.

Миллиарды снежинок, как и миллиарды жизней людей, как и ее судьбоносная снежинка, терялись в бескрайних сугробах вселенной, и казалось невозможным определить одну человеческую судьбу в звёздном ожерелье планет. Но с утра сменился тёплый с Урала южный ветер на стылый северный с Ямала и его величество сорокаградусный мороз укротил зимнюю вьюгу. И нет миллиарда снежинок, и только сугробы по обочине дорог и человеческая судьба, одного солдата Виктора Золоторёва, перед её мысленным взором.

Совсем недавно, на годовщину вывода советских войск из Афганистана на встрече с ветеранами локальных войн из-за стола президиума скромно встала пожилая женщина, мать погибшего солдата и как-то по своему то ли похвалила, то ли похулила местные власти:

- Спасибо, что привели в порядок могилки участников Великой Отечественной войны, а вот про «афганцев» и «чеченцев» забыли. У нас на кладбище неухоженные могилки есть, у кого-то родители умерли, родные уехали, кому смотреть? Пока я жива, за двумя могилками блюду. Помру, кто присмотрит? Может принять вам какой-то закон, обязать местные власти следить за могилками, тогда и нам, матерям спокойней на душе будет.

Не ко времени, спонтанно, из глубины души прорвалась в губернаторское сердце волна невольного покаяния за бездушность и черствость сильных мира всего от Москвы до Сибирских окраин. Покатились слезинки из глаз и она, не пытаясь сдержать нахлынувших чувств, встала из-за стола, подошла и бережно за плечи обняла пожилую женщину и громко извинилась перед матерью погибшего солдата за всех бывших и настоящих правителей страны:

- Прости матушка всех нас и спасибо вам за сына и прямоту вашу. Завтра я подпишу указ и обязательно прослежу, как он выполняется на местах. Если пригласите, приеду к вам в гости, сходим на могилку сына...

Так, полуобнявшись, две русские женщины, в окружении ветеранов Афганской войны были сфотографированы на память.

Но сегодня, перед стопкой писем и телеграмм, в лютую декабрьскую стужу от отголосков памяти губернатору не уйти. Как в каком-то замедленном фильме невольно вспомнила такой же декабрьский день, почти сорокалетней давности, слегка прикоснулась теплой ладонью к холодной поверхности оконного стекла, испуганно одёрнула руку назад как когда-то, давным-давно, прикоснувшись пальцами к заледеневшему окошку на крышке цинкового гроба Борьки одноклассника. Лица его она не увидела и не запомнила, и был ли в гробу Борька неведомо ей и поныне. В народе поговаривали, что часто приходили гробы с необъявленной войны, в которых и смотреть было не на кого и нечего, их не вскрывали, не травмировали родных и близких. Запомнился только громоздкий деревянный ящик, в который было уложено последнее цинковое пристанище одноклассника. Черные ленты на венках, живые цветы в руках подружек, похоронный оркестр, шеренга солдат с винтовками в руках и фотография в траурной

рамке веселого и бравого десантника Борьки Толмачева, погибшего на перваче «Саланг», в которого тайно были влюблены девчонки их класса. А её, Наташу, он называл своей невестой.

На вокзальном перроне, перед отъездом на войну он вдруг на прощанье тихо и ревниво пропел ей в ухо две строчки из песни:

- Ах Наташа, ах невеста. И зачем ты за него выходишь замуж...

Она поняла его, и уверенно с нежностью в голосе, в прощальном поцелуе, он услышал её слова:

- Я буду ждать тебя... Всегда, всегда, всегда...

Обычно так русские девушки говорят, провожая своих парней на службу в армию во все времена.

Она верно его ждала полтора года, и в ранге невенчанной жены, то ли вдовы, проводила свою первую школьную любовь в последний путь. С подругой Светой под руку, в чёрных косынках на голове они стояли на краю его могилы и мерзли слёзы на ресницах глаз. Повзрослели, помудрели, многое в жизни поняли тогда они. Позади раздался чей-то печальный вздох, послышалось молитвенное бормотание бабушки Зины, а после дежурных слов военкома, кладбищенскую тишину нарушил зловещий лязг острия штыковой лопаты о мерзлый камень, ужасающий стук падающей земли о крышку гроба. И Борискина мать, тетя Нина в конце прощальной церемонии, не проронившая ни одного слова, постаревшая и поседевшая, внезапно упала на колени и голыми ладонями обняла свежий могильный холмик, плача навзрыд.

Наталья со Светой подняли тётю Нину с колен на ноги, и она сторонясь их решительно освободила руки, вскинула их вверх к небу и прокричала, прорыдала во весь голос:

- Боже, верни мне сына!

Но промолчало небо и только луч полуденного солнца ласково прикоснулся к кромке глинистой могилы, как бы благословляя Борьку в последний путь. И услышала Наташа, запомнила навсегда последнюю фразу матери:

- Будь проклята навсегда война.

А потом через двадцать лет печальная картина похорон Борьки одноклассника в какой-то мере повторилась в судьбе её дочери, которая в черном траурном платке, проводила с подругами в последний путь гроб с Санькой одноклассником, прибывшим самолетом из Ростова. Мучительно-скорбная, тяжкая женская доля во все времена у воюющей страны. Мать Саньки искала живого сына в воинских частях по всей Чечне, а нашла свою родимую кровинку голеньким и мёртвеньким в теплушке, в холодильной камере, на запасных путях железной дороги города Ростова-на-Дону. И как тётя Нина когда-то на могилке Борьки одноклассника, мать Саньки прокляла войну.

Поздно вечером, после поминок, зябко кутаясь в пуховое одеяло, обнявшись молча сидели мать и дочь Кораблёвы, вспоминая каждая о своих школьных любимых, вернувшихся на Родину в цинковых гробах с необъявленной войны. Разве можно такое забыть?

Но не только о военных невзгодах вспоминалось ей этим зимнем днем. Иногда, прикрывая веки своих прозрачных голубых глаз, в сентиментальном одиночестве, включив любимую мелодию лиричного композитора Чайковского, она мысленно уходила в начало девяностых годов, когда её душа, впитавшая с молоком матери сокровенное и тайное влечение к Богу, приняло в зрелом возрасте таинство крещения. Не одну горестную думу-думушку передумала она о голубушке России, которая на протяжении веков не без помощи самого Бога «восставала» как феникс из пепла, отменяя ложь, корысть и зло, наделяя свой народ честью, совестью и любовью. И теперь, именно ей, губернатору надо успеть сделать доброе дело, бездействие и равнодушие для неё страшнее смерти.

И сейчас, перед стопкой писем и телеграмм, губернатор, как женщина-мать совсем по-русски одиноко всплакнула и как когда-то мать Борьки одноклассника прошептала сама себе: «Будь проклята любая война». И подумала, точнее решила без оглядки на губернаторское кресло, без политического словоблудия, всяческих домыслов и сплетен, как подсказывает ей внутренний голос, вызволить из беды русского солдата, спасти человека. Она нажала на кнопку вызова секретаря, ясно и коротко попросила:

- Соедините меня с администрацией президента страны.

3 глава

Мало кому известно как принимается судьбоносное решение на вершине власти в любой стране. Особенно, когда от президента зависит не только судьба, а и жизнь человека. Точно только одно, звонок в администрацию президента России, хозяйки нефтяного края Натальи Кораблёвой, так её иногда величали в прессе, как нефтяной бур бурит землю, так звонок пробил чиновническую броню аппарата президента.

Помощник, явившейся с утренним докладом, хорошо знал своеобразный характер президента, его отличительную черту принимать мгновенные и правильные решения в вопросах, когда решается судьба простых людей, особенно тех, кто прошёл войну. Ему было хорошо известно, что президент был сыном солдата Великой войны, служил офицером в советской армии, в ранге премьер-министра страны руководил наведением конституционного порядка в Чеченской республике.

Доложив о текущих мировых проблемах, помощник положил на стол перед президентом несколько машинописных листов бумаги:

- Просьба губернатора Натальи Кораблевой и председателя Российского Союза десантников Валерия Востротина об освобождении из под ареста подполковника запаса Виктора Золоторёва, копия личного дела, пояснительная записка, обвинение чеченской прокуратуры.

- В пределах одного часа никого не принимать - приказал президент, откинув спину на спинку стула, внимательно вчитываясь в текст копии личного дела Виктора Золоторёва, ветерана локальных войн, жителя таёжного края.

Читая пояснительную записку Натальи Кораблёвой, вспомнил как недавно поздней осенью ездил с рабочей поездкой в столицу нефтяного края и был приятно удивлен не только своеобразной красотой города, но впечатлен увиденным в музее «Природы и человека» древним животным миром и бытом коренных жителей этой земли ханты и манси. В какой-то мере, он как любой

человек уставал от каждодневной ответственности принятия важнейших оборонных и социальных решений, встреч с лидерами многих стран, требующих от него сильного напряжения нервов.

Заводы, фабрики, атомные станции, космодромы, театры и стадионы, большие и малые города страны требовали его внимания. И тут, удивительный национальный город Ханты-Мансийск, на семи холмах, в устье слияние двух великих рек Оби и Иртыша, в ожерелье зеленой тайги, где нет крупных заводов и фабрик, нет газовых труб, нефтяных качалок и даже железной дороги, а только чистейший воздух, ухоженный парк Победы в березовой роще, где бережно хранится древняя история хантов и манси. Где надеждой, верой и любовью наполняется сердце любого гостя города.

Перед обедом с Натальей Кораблёвой они вдвоём шли по парковой аллее к Вечному огню, вдоль стройной шеренги бюстов Героев Отечественной войны. Неожиданно, зазвонили колокола величественного храма на горе, вблизи центральной дороги, пересекающей город. Он невольно остановился напротив последнего бюста, прислушался к колокольному перезвону, перевёл вопросительный взгляд на мальчишеское лицо героя на постаменте. Наталья Кораблева с гордостью в голосе пояснила:

- Александр Бузин погиб в первую Чеченскую войну, похоронен на Родине в городе Советский.

Она слегка согнувшись, пригнув колени, осторожно положила букет цветов к подножью постамента и обернувшись к президенту добавила:

- Он у нас единственный герой России за Чечню на всю Тюменскую область. Пройдёмте к памятнику солдатам Великой войны.

Минутой молчания, букетом алых гвоздик, президент почтил светлую память защитников Отечества, мысленно перекрестился, вспомнив своего отца, отстоявшего Ленинград, служившего в полковой разведке. Медленно, под убаюкивающее воркование, снующей под ногами стайки птиц, и шелесте, опадающей с берез листвы они прошли вниз вдоль бронемашин и артиллерийских орудий к памятнику участникам локальных войн на площади,

возле военкомата. Зная, как уважительно и трепетно президент относится к участникам локальных войн и военных конфликтов, губернатор не удержалась и чисто по-женски поведала президенту о нелегкой судьбе матери Александра Бузина:

- После похорон сына его мать приняла монашеский постриг и ушла в женский монастырь под Екатеринбург. Навсегда я запомнила её слова из благословения к изданию одной книги. Она сказала так: «Наши дети-воины христовы находятся в вечной любви и свете, люди, молитесь за своих чад. Нет большей любви к Отечеству, если кто жизнь положит за други своя. Да хранит Господь вас и всю Россию».

Она украдкой платочком вытерла слезинку из глаз, громко вздохнула, вновь взглянув на памятник, проговорила:

- В художественной композиции этого мемориала образ женщины Ангела-хранителя, склонённой над телом воина. Для меня это образы мамы и сына Бузиных. Я иногда поздно вечером приезжаю к памятнику одна и вспоминаю о пережитом, поплачу, погрузу, помечтаю... И как-то легче мне становится на душе и сердце меньше болит.

Президент с удивлением и почтительностью взглянул на женщину губернатора и как-то не по президентски, философски ответил:

- Действительно, у каждого человека есть в жизни что-то сокровенное, ведомое только ему одному. Не буду вторгаться в ваши женские тайны. Далее, у нас в программе «Древняя природа этого края и далекий мир финно-угорских народов»?

Экскурсовод музея «Природы и человека», миловидная и обаятельная, росточком с дюймовочку, назвавшая себя Катериной, девушка, слегка дрожащим от волнения голосом начала экскурсию. Она с удовольствием привела президента и губернатора в зал на первом этаже, где была собрана разнообразная выставка, посвящённая выводу советских войск из Афганистана и пояснила:

- Здесь мы планируем создать музей участников похода Советской армии в Афганистан, но и Чечни, - и неожиданно для себя, слегка покраснев от смущения,

с долей гордости в голосе скороговоркой выпалила, показав указкой на групповую фотографию, - Мой муж Андрей в кругу боевых друзей под Шатоем, и на стене фотокомпозиция Герою России Александру Бузину...

Официально называть это очаровательное женское создание, годившееся ему во внучки, не поворачивался язык. Президент, мягко улыбнувшись и доверчиво, как только он мог блестяще делать, сказал:

- Имя у тебя девушка звонкое, певучее, твоим именем знаменитое орудие назвали, знаешь? Молодец! Можно я тебя Катюшей буду называть?

Она радостно кивнула головой и благодарно улыбнувшись совсем уверенно пригласила гостя и гостью в зал доисторических динозавров, рептилий, мамонтов и слонов. Затем, по винтовой лестнице поднялись на второй этаж и оказались в зале древнего уклада жизни финно-угорских народов. Оказывается, в старину, ханты представляли землю-матушку по-своему, как перевёрнутый днищем вверх семиухий котёл, а перед входом в их жилище росло древо жизни, где надо загадать желание, которое обязательно сбудется.

- Загадали?- совсем серьезно спросила Катюша, - только никому не говорите и оно непременно сбудется, я загадывала и у меня родился сын.

На прощание в полукруглом зале хантыйская сказательница и поэтесса Мария Кузьминична Волдина, низко поклонившись, подарила дорогому гостю необычайный подарок – охотничий пояс в берестяном коробе ручной работы.

4 глава

Многое доброе и хорошее вспомнилось президенту от той рабочей поездки в таёжный город Ханты-Мансийск, в нефтяную столицу Западной Сибири. И сейчас, внимательно читая личное дело подполковника запаса Виктора Золоторева, память настойчиво повела президента в слякотную зиму конца девяностых годов.

Тогда, в декабре, над горами и столицей Чечни моросил нудный дождь. Слякотно и холодно было не только под ногами, и на душе, когда спустившись по стремянке из обстреленного боевиками и вертолёта, он в сопровождении охраны в зелёной куртке армейского образца вошёл в штабную палатку на окраине города.

- Товарищи офицеры, - прозвучала команда командующего российских войск на Кавказе генерала Казанцева и немногословный доклад, - Товарищ премьер-министр, генералы Шаманов, Трошев, офицеры оперативного штаба по Вашему приказу собраны, может пообедаете с дороги?

Он поздоровался с каждым за руку, уважительно посмотрел в суровые лица генералов, хорошо зная, что они достойно командовали батальонами и полками на Афганской войне. «Золотой запас нашей армии, - с теплотой подумал он и ответил генералу Казанцеву:

- Обедать будем, когда освободим Грозный, докладывайте что, где и как... Через час построите батальон добровольцев, хочу сам проводить их в бой.

Действительно, новому премьер-министру страны, как новобранцу, неожиданно попавшему в самое пекло Чеченской войны, в тот момент было не до обеденной трапезы и тем более не до сочувствующих взглядов штабных офицеров. Случилось то, что казалось не должно быть при четко налаженной системе охраны второго руководителя страны, как на земле, так и в воздухе. Но на любой войне свои законы. Именно его ведущая «восьмерка» при подлете к месту посадки была подвергнута внезапному стрелковому обстрелу из лесочка вблизи селения. И лишь мощный бомбово-штурмовой удар группы прикрытия боевых вертолетов и самолетов принудил боевиков прекратить огонь, а залповый удар артиллерия перепахал лесной массив вдоль и поперек, позволив его вертушке с пробоиной в фюзеляже благополучно приземлиться вблизи горящего города. Так он в тот день публично получил боевое крещение на войне, где нет линии фронта и тыла, где опасность на каждом шагу, где невозможно предвидеть, когда и по кому ударит притаившийся враг. Теперь, здесь в Чечне, для штабных офицеров и добровольцев важен не только фактор, что премьер-министр не ранен и не убит, а его самообладание, выдержка, волевой характер, умение быть смелым и решительным командиром. Они должны поверить в него и за ним пойти в бой. Только вместе они победят любого врага. И не было с его стороны нагоняя, поиска виновных штабных офицеров в обстреле боевиками его вертолётa, каждый сам знал свою ошибку, промах и вину. И укорять их не было смысла.

Батальон был построен повзводно и поротно за штабной палаткой на пригорке. Сотни бойцов с нарисованным фломастером офицерскими и сержантскими звёздочками и лычками на погонах с кепками на головах, «колашами» в руках, «бронниками» на груди, гранатами на поясных ремнях, слегка удивленно, но уважительно смотрели на нового премьер-министра страны, прилетевшего на вертушке, лично руководить наведением конституционного порядка, попавшего под обстрел, но не сыгравшего паникёра и труса, и готового вместе с ними идти в бой. Личный пример на любой войне дорогого стоит.

Их непосредственный командир генерал Владимир Шаманов, приложив правую руку к головному убору, скомандовал чётко, по-армейски:

- Батальон, равняйся! Смирно! Равнение на середину, - но доложил необычно, не по уставу, - Товарищ премьер-министр! Гордость и слава Российской армии – сводный добровольческий батальон участников локальных войн по Вашему приказу построен!

Премьер-министр не стал говорить патриотических речей, призывать к выполнению воинского долга, знал и понимал, что этим парням, с честью прошедшим нелегкими дорогами локальных войн и военных конфликтов, они будут лишними. Он с отеческой любовью окинул теплым взглядом шеренги солдат и офицеров, вытянув руки по швам отдал добровольцам честь, приказал, жестко и бескомпромиссно:

- Солдаты! Надо освободить Грозный от террористической нечисти, - и попросил чисто по-человечески, - вернитесь живыми с войны!

И они, настоящие русские мужики, выжившие на опасных дорогах локальных войн, не подвластные зазнайству, трусости и лести поверили в него, молоджавого премьер-министра, признали его своим командиром и готовы были выполнить любой его приказ.

Мощное троекратное «Ура» сотен добровольцев прогремело в ответ и гулким эхом отозвалось на страх врагам, в дождливом небе столицы республики. На следующий день, сводный батальон добровольцев, при поддержке авиации, танков, артиллерии, мелкими группами вклинился в город, начались уличные бои.

Примерно, через месяц, после освобождения всей Чечни, многие бойцы из сводного батальона добровольцев получили ордена и медали, а генералы Шаманов, Казанцев, Трошев из его рук звезды Героев России. Именно при нем в Чечне возродилась былая слава российской армии.

Сущую правду говорил умудрённый жизненным опытом его отец, о том, что добрые и злые события человеческого бытия растворяются в дебрях повседневной суеты и лишь на смертном ложе обязательно возвращаются из глубины памяти, радуют или гнетут, но поздно что-либо изменить, и только теперь Бог воздаст должное человеку по делам его и заслугам.

- Главное, сынок, Родину люби, береги, храни и будешь счастлив.

Знал и помнил он всегда простейшую философию отцовского поколения, жившего не «ахти» богато, но не роптавшего на судьбу, говорившего в трудную минуту вздыхая, как заклинанье фразу:

- Всё пройдёт, лишь бы не было войны...

Став президентом, он всегда хорошо понимал, какая мера исторической ответственности лежит на нём перед предками, создавшими великую державу от Балтики до Курильских островов, сохранивших страну в годы тяжких испытаний Великой Отечественной войны. А в будущем, хочет он этого, или нет, но потомки по косточкам разберут его деяния, особенно военные действия во всех уголках планеты. Кто-то похвалит, кто-то осудит, всем мил не будешь в трудные для России времена в ранге первого лица страны.

Самым тяжким грузом, лично для него, стала многострадальная Чечня на протяжении целого десятилетия. Дурной лозунг центрального Правительства в многонациональной России, после развала Советского Союза: «Берите полномочий, сколько хотите» привёл к всеобщему хаосу, ввёл в самостийный блуд, подобно Украине, многие горячие головы от Кавказа до Владивостока. Страна, объединенная в единое целое государство столетиями, в один миг встала на опасную грань религиозного и национального развала на мелкие ханства и княжества. Первыми заявили о независимости на весь мир новоявленные чеченские политики, появился свой президент, своя армия, идея подмять под себя

весь Кавказ, началась первая чеченская война. Сепаратизм внутри страны надо было жёстко уничтожить в зародыше без многочисленных жертв с обеих сторон. Проболтали, проугovarивали, продемократились либералы, дали слабинку новоявленным ханам и как результат кровавые события охватили не только Чечню, но и Ингушетию, Дагестан, появились организованные преступные национально-религиозные группировки по всей стране, с которыми и сегодня идёт непримиримая борьба. Наконец, здравый смысл восторжествовал в Кремле. По поручению первого президента страны, он в качестве премьер-министра вынужден был возглавить полномасштабные антитеррористические боевые действия федеральных войск в Чечне и навести в мятежной республике конституционный порядок. Именно там на войне, не прячась в кремлёвских кабинетах, смотря смерти в лицо, он стал командиром, русским солдатом, и они вместе победили зло, сохранили целостность страны.

Сегодня он душой с ними в боевом ветеранском братстве, их проблемы – его проблемы, их беды – его беды, их радость – его радость. Только так можно жить на земле, правда всегда одна.

Он знал и понимал, что за спиной Виктора Золоторёва надёжно стоят тысячи ветеранов, вся Российская армия нетерпеливо ждут справедливое решение и он не вправе обмануть их надежды, он свой среди своих, всё сделает по совести и чести.

Внимательно, не торопясь, вникая в каждое слово, президент читает обвинительный приговор чеченской прокуратуры, изумляясь двоякому толкованию федеральных законов. Действительно, любой закон, как хомут на лошади, можно умеючи повернуть в нужную сторону. Но в уголовном деле Виктора Золоторёва хомутного прокола быть не должно, на кону не только честь, но и жизнь солдата. Случившаяся с ним беда не вписывалась не в какие рамки воинских уставов и гражданских законодательных актов. Убийство человека человеком во все времена не имеет сроков давности. В данном случае Виктор задержан, как гражданский человек по подозрению в совершении обыденного и преднамеренного убийства более двух лиц в сговоре, около пятнадцати лет назад. Главного подозреваемого в договорном убийстве должны этапировать сегодня вечером, через столицу на

место предполагаемого преступления, в следственный изолятор города Грозный. Там ему будет предъявлено официальное обвинение в суде и он будет арестован на два месяца, необходимых прокуратуре для следственных мероприятий. И вот, она, наконец вразумительная и правдивая история из послужного списка личного дела подполковника запаса Виктора Золотарёва, умышленно не отмеченная в обвинительном акте чеченской прокуратуры. Из материала личного дела следует, что именно в то время он был командирован Министерством внутренних дел в город Грозный для оперативной работы. В ходе боестолкновения с непримиримыми боевиками и жертвами с обеих сторон подполковник был тяжело ранен и награждён за боевые заслуги государственной наградой. Всё встало для президента по местам и предельно ясно, кто виноват и что делать.

Стало совершенно понятно, что кто-то на самом верху прокуратуры Чечни, используя служебное положение, скорее всего из мести решил свести счёты с русским офицером, сфальсифицировав вооруженное боевое столкновение, как бытовое убийство мирных жителей. Вспомнил известную на весь мир свою грубоватую, но честную и правдивую крылатую фразу, сказанную в сердцах после террористического акта боевиков в Москве: «Независимо от возраста и национальности мочить террористов днём и ночью везде, даже в сортирах». И замочили такие герои, как Виктор Золотарёв эту ядовитую гадину в России, теперь мочат их последышей на дальних рубежах Родины, нет гадёнышам индульгенции в рай. Такова его позиция как президента вчера, сегодня и завтра, и тех, кто поверил ему, и пошёл за ним. Он не вправе бросить их на произвол судьбы, только так, а не иначе.

Президент невольно поморщился, как от зубной боли, явственно представив, что пришлось бы морально, а может быть физически испытать Виктору Золотарёву в следственном изоляторе чеченской прокуратуры. Такие лжеподсудные дела давно минувших лет, связанные с наведением конституционного порядка на Кавказе, надо пресечь в корне на законодательной основе, а вышестоящей федеральной прокуратуре, основательно вычистить зловонный сорняк в своих рядах. Но первым делом надо спасти солдата, именно сегодня, сейчас.

Не удержавшись от любопытства он быстро читает автобиографию Виктора, и с радостью узнаёт, что ветеран Афганской войны в звании майора стоял перед ним в строю сводного батальона добровольцев и пытливо смотрел премьер-министру в глаза, поверил в него, и ушёл штурмовать город Грозный по его приказу.

В памяти президента невольно и настойчиво вновь возникает образ русского героя с мальчишеским лицом на постаменте в городе Ханты-Мансийск, на фоне православного храма, его постаревшая мать в монашеской одежде. Мать и сын с надеждой и верой, взявшись за руки, смотрят в его глаза и просят спасти солдата, а может быть его мать, жену, детей... Решение принято, он наживает на кнопку вызова и приказывает:

- Немедленно соедините меня с генеральным прокурором.

5 глава

Проснулся Виктор, чуть свет, зябко кутаясь в тонкое байковое одеяло не первой свежести. От холода он знал ещё с Афганской войны три лекарства: водка, чай и физкультура. За неимением водки и чая он сделал упор лёжа, отжался от пола полсотни раз, в присядку, на корточках побродил из угла в угол по камере, плавно покрутил поясницей и головой по окружности и минут десять, как вчера вечером, подолбил кулаками подушку. Почувствовал, как загуляла кровь в его жилах, расправились суставы спины, рук и ног, теплотой обволокло тело, положительной энергией заполнило мозг и захотелось немедленно покинуть надоевшую камеру. Но суровая реальность в виде зарешёченного прямоугольного окна, облупленного унитаза в углу, голые шершавые стены покрашенными зеленой краской стальные двери и одиноко мерцающая на столбе лампочка в тюремном дворике ввели его вновь в чувство уныния, в жуткую действительность арестантского положения.

Такие камеры-карцеры есть везде в российских тюрьмах и предназначенные для подавления воли строптивых людей и наказания за различные нарушения тюремных правил. В одиночной камере, где соседями могут быть только крысы и

мышы, да и то, если деревянный пол, человек полностью оторван от мира и время для него замедляет свой ход. Жизнь превращается в крошечный ад, животное существование один на один с собой.

Только сейчас, впервые в жизни, попав в огороженное бетонными стенами пространство «одиночки», ограниченное по периметру двора лаем сторожевых собак, колючей проволокой, ржавыми решётками, уныло шагающими куда-то под конвоем арестантами, он отчётливо и с ужасом понял, как беспомощен, жалок может быть любой человек, отрезанный от свободного мира, лишенный инициативы самому принимать решения. Думают, делают, решают за узника другие, даже какую ему баланду жрать, когда и где спать, только пожелтевший от времени унитаз в распоряжении арестанта и мозговая сумятица в голове.

На современной войне, особенно в бою, ты сам принимаешь решения: как двигаться, ползти, бегать, прятаться, как и в кого стрелять и выживает смелый, волевой, выносливый, сильный, тот, кто первым нажмёт на курок, метко метнёт нож, а в «рукопашке» точно ударит кулаком в переносицу или ногой ниже пояса, прямо в пах. В тюрьме всё по другому, и прав тот, у кого больше прав и звёздочек на погонах, не важно, умен человек или глуп, лжив или честен, здесь выживают, а не живут. И главная непоняловка ему потомственному вояке, в том, что за колючей проволокой не обозначен враг как на войне, ему скорее понятен штрафной батальон и смертельная атака, по сталинскому принципу кто выжил, тот прощён.

Там на войне для него всё было проще, точнее и яснее. Тогда, после боестолкновения в Чечне никому не пришло в голову обвинить его, как командира группы в чём либо. Завели, как положено в местной прокуратуре уголовное дело закрыли за отсутствием состава преступления, отправили в архив. Теперь наедине с самим собою горестные мысли о тюремной судьбе-злодейке, память увела его в ту звездную ночь, которая аукнулась злым роком через пятнадцать лет.

По сигналу тайного осведомителя на «уазике», под прикрытием боевой машины пехоты поздно ночью перед рассветом, они блокировали частный дом на

окраине города, где пряталась группа боевиков, в количестве восьми человек. Но всё пошло не по плану. На предложения сложить оружие, неожиданно раздался бестолковый мат на украинско-русском языке, гулко тьякнули из боковых окон два реактивных ручных гранатомёта, зло зацокал крупнокалиберный пулемёт из проёма чердачного окна, застрочили автоматы в руках боевиков. Выстрелы из гранатомётов попали точно в колёса бронемашины, зажгли и перевернули её набок, огонь пулемёта с чердака прижал группу захвата к земле.

- Все в укрытия,- успел скомандовать он, плашмя падая на землю за бетонным столбом.

Передёрнув затвор автомата, огляделся и с ужасом увидел ещё живого горящего на капоте бронемашины её командира лейтенанта Нечаева. На войне долго думать, себе дороже. Одна мысль в его голове надо спасти лейтенанта, пока пулемётчик с чердака увлекся расстрелом пустого «уазика». Его ребята не хуже его знали свою работу, каждый был на своём месте, согласно боевому расчёту.

Снайпер Вова, удобно примостившись за углом ближайшего дома спокойно, без суеты, двумя выстрелами отправил в мир иной гранатомётчиков. Всего несколько секунд понадобилось прицелиться и точно долбануть из «мухи» по чердачному окну Ивану Жилину. Ударил по окнам и дверям прицельными очередями ручной пулемёт в руках Семёна Долгих.

Стрельба из дома прекратилась, послышался снова мат и чьи-то вопли и стоны на хохляцком языке . Всего за пять-шесть секунд бешеным галопом Виктор преодолел расстояние до горящей боевой машины пехоты и обжигая руки огнём за ворот тлеющей куртки стянул с капота на противоположную сторону, корчащееся от дикой боли тело лейтенанта. Сняв с себя куртку, ею и голыми ладонями сбил с него пламя, быстро раздел до гола и вколол в покрасневшую от жара задницу лейтенанта обезболивающий укол, громко крикнул радисту:

- Вызывай мотогруппу десантуры, срочно «скорую» и помочись на ноги лейтенанта...

Еще с Афгана он знал, когда нет под рукой нужных медикаментов, что человеческая моча – лучшее лекарство от ожогов и болевого шока.

На всю жизнь на его руках остались блеклые отметины того рокового дня, но тогда в горячке боя о болячках думать было некогда, надо было спасать Нечая.

Примерно через десять минут прибыл взвод десантуры, «санитарка» и тяжёлый танк. На повторное предложение сложить оружие, снова прозвучала нецензурная брань, началась беспорядочная автоматная стрельба из окон дома.

- Хохляцкие, суки! Всё им неймётся, - выругался ядреным матом тогда и он вспомнив, как при взятии города, год назад, схлестнулись в рукопашной с боевиками славянской наружности и один из них всадил ему в бедро нож, прежде чем покинул бранный мир от удушающего приёма.

- Бесплезняк, такие не сдаются, зачищаем хохлов, командир?

Он молча кивнул головой командиру десантников и тяжёлый танк прямой наводкой тремя снарядами в пух и прах расстрелял кирпичный дом, превратив его в дымящие развалины.

В живых остались только двое: громко повизгивающий от страха мальчишка и тяжело раненный стонущий старик, спрятавшиеся в глубокое, полуобвалившееся подполье. Но и они отказались сложить оружие.

- Выкуривай «дымовухой» живьем местных «духов», - приказал он своему заместителю Ивану Жилину и направился к санитарной машине проведать Нечая, и тяжело раненного механика-водителя бронемашин.

Не дошёл, не успел, прозвучала шальная очередь из подполья, через вентиляционную дыру в нижней кромке фундамента дома и две слепые пули прошли по касательной полости его живота, не задев внутренности. Кто стрелял, мальчишка или старик, Виктор никогда так и не узнал, так как потерял от боли сознание и был отправлен вместе с лейтенантом и механиком-водителем в госпиталь.

Мальчишка и старик, может быть отец и сын, или дед и внук, не сложили оружие, ранили его, тем самым окончательно сами решили свою судьбу. Десантура, ещё с афганской войны, не любила церемониться с врагами. Их опытный командир резко отпихнул ногой горячий ствол бандитского автомата из проёма в стене и ловко сунув прямо в вентиляционную дыру «лимонку» отскочил

в сторону. Взрыв и осколки гранаты сделали своё черное дело, смешав хозяйские запасы картошки и солений с останками боевиков. Не этих ли молодого и старого непримиримых врагов ему решили поставить в вину через пятнадцать лет чеченская прокуратура, точнее их родственники?

Очухавшись в госпитале после ранения всё честь по чести, согласно закона, он написал подробный рапорт, его подчиненные объяснительные. Особенно, подробно о мальчишке и старике, отказавшихся сложить оружие и тяжело ранивших его, Виктора Золоторёва. Теперь какое-то заинтересованное прокурорское лицо покопалось в архиве, выхолостило суть и решило обвинить его Виктора Золоторёва, как командир группы в преднамеренном убийстве мирных граждан. Пока он только задержан по подозрению на трое суток, но привезут в свою «каталажку», предъявят судебное обвинение, арестуют на два месяца, будут мордовать и силой выбивать из него признательные показания. Это, наша страна проходила в тридцать седьмом году, во времена сталинских репрессий. Там маршалы и генералы давали показания против себя, лишь бы не мучали. Неужели такое возможно в наше время? Правду сказал ему на прогулке прапорщик, что надеется надо только на своих и на удачу, которая много раз спасала его на войне.

6 глава

Пошли третьи сутки его ареста. В полдень послышались гулкие шаги по мрачному тюремному коридору, зловеще лязгнул от поворота массивного ключа внутренний замок, побряхтывая ржавыми навесами со звонким скрипом медленно открылась стальная дверь камеры и на пороге появился знакомый городской следак, присутствующий при его задержании в холле гостиницы. То, что, он свой, Виктор понял ещё тогда, когда чеченцы попробовали принародно одеть на его руки наручники.

- Оставить браслеты! - решительно скомандовал он, презрительно взглянул на них и обратился к Виктору:

- Товарищ подполковник, я уже сообщил «афганцам» в Нижневартовск о вашем задержании. Завтра не лётная погода, погостите пару деньков у нас, правда в камере,- попытался неловко пошутить он, придерживая Виктора за локоть, сопровождая в арестантскую машину.

Сегодня «свой» следак, как мысленно назвал его Виктор, наедине с ним был ещё откровеннее:

- Разговаривал вчера я с чеченцами, сами понимают, что не в своей тарелке кашу жуют. Но приказ есть приказ, и закон есть закон, надо исполнять. «Афганцы» успели доложить губернатору и президенту. Твоё дело на контроле у генерального прокурора, мы сделали всё, что смогли. Теперь слово за столицей. Я провожу вас в аэропорт, в Москве будут встречать свои, я уверен.

В самолёте Виктор дремал весь полёт, решительно выкинув из головы свой арест, одинокую камеру, тревожные мысли, обиды и унижения. Он солдат и ему непристойно и негоже слёзы лить, не в таких переделках бывал и ничего живее всех живых. Он вспоминал первую свою командировку в Чечню, случайное знакомство с будущим президентом страны.

Прекратить национально-религиозный бардак на Кавказе, после развала Советского Союза, давно были готовы ветераны Афганской войны, служившие на командных должностях в регулярной Российской армии, в Министерстве внутренних дел, Федеральной службы безопасности, да и «дембеля» не желали мириться как кое-кто в либеральном правительстве страны с террористической мразью.

И вот, наконец, пришло время таких, как он, солдат великой страны, потряхнуть бывалой военной закалкой во имя единства Родины.

«Горе тем, кто не учит уроки прошлого»,- угрюмо и нервно думал он, под всепонимающим взглядом жены, молча собирая свой походный чемодан в дальнюю дорогу, подписав вчера рапорт на месячный отпуск. Привыкшая ко всему боевая подруга, так он иногда ласково называл свою жену, прошедшую с ним со школьной скамьи огонь, воду и медные трубы, не проронила ни одного плаксивого слова, только слезинки падали из её жемчужных глаз.

- Возвращайся живым, - обняв на прощанье, поцеловала и тихо добавила, - мы втроём тебя будем ждать.

Жена и две дочери – самое драгоценные его женщины в мире, как в старину бывало, у порога родного дома проводили мужа и отца на войну. Младшая шестилетняя дочурка, не в пример сдержанной маме, насупив бровки, сузив глазки, серьёзно по-взрослому спросила:

- Папа, ты опять поехал на войну? Мама говорит, там могут убить. Папа не уезжай!

Ждёт ответа младшая дочка, старшая замерла в ожидании и жена робко смотрит на него. Он взял младшую дочурку на руки, трехкратно поцеловал в губки и щечки и как взрослой ответил:

- Надо, милая, надо, если не я, то кто тебя, маму, бабушку и Родину защищать будет?

На сборном пункте добровольцев, он был назначен командиром мотострелкового взвода, и до потери пульса, до седьмого пота муштровал своих запасников, привыкших воевать в горных условиях готовил к уличным боям. Суворовская наука «трудно в учении, легко в бою» оправдалась в жестоких боях за город Грозный, где его взвод, практически не понёс потерь. И навсегда ему запомнился слякотный декабрьский полдень, когда по приказу генерала Шаманова их батальон построился перед штабной палаткой. Без показухи, штабной суеты, без трибунного пафоса, скромно, перед строем добровольцев, держа по-военному руки по швам, стоял будущий президент страны, только час назад избежавший смерти. Смотрел решительно и с глубинной надеждой прямо в глаза добровольцев, говоря конкретные и понятные слова, став мгновенно для опытных бойцов своим в доску парнем. Воодушевленные его простыми и мужественными словами о Родине и о себе, поверившие усталому и скромному с военной выправкой новому премьер-министру страны, понюхавшего лично краюху пороха в небе Чечни, добровольцы, как в былые времена звучно и громко прокричали «Ура».

Вечером генерал Владимир Шаманов, собрав офицеров, поставил боевую задачу и коротко подытожил слова нового премьер-министра, вспомнив крылатую фразу политрука Клочкова в битве за Москву в сорок первом году:

- Позади – Москва, отступать, нам, ребята, некуда.

Русские на войне всегда побеждают. Штурмом взяли Грозный, освободили весь Кавказ от бандитской нечисти, гордо подняли над Чечнёй победное российское знамя и вновь громко и дружно кричали «Ура» вместе с будущим президентом страны. И слышала победный клич русской армии вся матушка Россия, гордилась страна своими сынами, вернулся живым и здоровым к любимым своим женщинам лихой вояка Виктор Золоторёв.

Его добрый и счастливый сон в самолёте не закончился его возвращением живым с Чеченской войны, а как чудесное знамение в облике возмужавшего с годами премьер-министра, ставшего по божьей воли президентом страны, продолжился в столице. Трое в штатской одежде, с армейской выправкой встретили их на нижних ступеньках трапа самолёта и вежливо представились чеченским следакам, вручили предписание, пояснили:

- Официальный отказ генеральной прокуратуры в возбуждении уголовного дела, в связи с отсутствием состава преступления, постановление об немедленном освобождении подполковника Виктора Золоторёва, вам следовать к месту назначения, вы свободны.

Радужный сон продолжился для него в салоне машины, когда седовласый в штатском дружелюбно похлопав его по плечу, пояснил:

- Нам приказано посадить вас на ближайший самолёт на Родину и принести искреннее извинение за недоразумение лично от президента, что мы с удовольствием делаем. Поверьте на слово, виновные в беспределе будут наказаны, теперь ваше дело на контроле генерального прокурора. Остаётся пожелать вам счастливой дороги, товарищ подполковник.

Поздно вечером и снова, как в глубоком и добром сне, немного потерянный, смущенный, но бесконечно счастливый, он наворачивал вилкой домашние пельмени в кругу своего «бабьего» взвода, с восторгом и обожанием поглядывая

на дорогих ему женщин. Жена, две дочки и две внучки с любовью и нежностью смотрели на мужа, отца и деда с готовностью, и наперебой выполняя все его кулинарные капризы. Рядом на полу, на круглом коврикe вальяжно разлеглась, наострив уши, и с обожанием поедая преданными глазами хозяина, светло-рыжая дворняжка, ластиться, свернувшись клубочком, и распутив пушистый хвост на его коленях темно-серая кошечка. Обе особы прекрасного пола, на которой держится жизнь на Земле. И это ещё не финал. Выросшая и похорошевшая вся лицом и характером в маму, младшая дочурка, по секрету на радостях сообщила отцу, что очень скоро появится у него наконец-то первый внук. Может быть он по примеру прадедов и дедов, когда вырастет изберёт своей работой профессию Родину защищать? Как знать...

А следующим днем его длительный и бесконечно добрый сон продолжился на солнечных улицах города. Не торопясь, полной грудью дыша морозным воздухом, он поднялся по заснеженной дорожке березового сквера центральной площади и окунулся в сказочное королевство детворы.

Еще везде на площади стояли разноцветные домики и ледяные скульптуры, и гуляли между ними молодые мамы и папы с детскими колясками в руках. Легкий ветерок освежал лица снующей туда-сюда детворы, с шумом и гамом катающейся на санках со снежной горы, поспешно клевали хлебной корки на ступеньках Гостиного двора пухлогрудые голуби, и совсем как в новогоднюю ночь нарядная красавица ёлка мигала разноцветными гирляндами. Душевным спокойствием наполнилось от края и до края сердце солдата, и подумал радостно он:

-Его счастливый сон продолжается. Мир так прекрасен, всё хорошо.